

УДК 82-312.1(7)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-164-169

**ПРЕОДОЛЕТЬ ВЕЧНЫЙ ПОЛДЕНЬ СРЕДЫ:
ПОИСК ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
В РОМАНЕ УОКЕРА ПЕРСИ «ПОСЛЕДНИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН»**

© Алла Никулина

**TO END THE ETERNAL WEDNESDAY AFTERNOON:
THE SEARCH FOR THE FOUNDATIONS OF HUMAN EXISTENCE
IN “THE LAST GENTLEMAN” BY WALKER PERCY**

Alla Nikulina

The article examines the philosophical issues in Walker Percy's novel "The Last Gentleman", revealed in the author's modeling of the plot development and in creating character images with conscious reliance on the provisions of Kierkegaard's and Marcel's existentialist philosophy. The main problem in the book centers round the desire of a person to find his own way in a situation of existential choice, the search for faith as the significant basis for human existence. The protagonist, Will Barrett, is put by the author into the situation of absolute freedom and is presented with the choice of various conceptual models of life, personified in the images of the people surrounding him: his father's stoic ethics, Rita's secular humanism, Val's uncompromising religious faith, Sutter's desperate nihilism. The turning point in Will's life comes with his falling in love with Kitty: it changes his way of thinking, laying the foundation for the subsequent discovery of God. The article discloses the symbolic meaning of the character's way in the novel: from a crowded metropolis to the open wilderness of southwestern deserts, from feeling lost to the discovery of faith, from loneliness to the search for the significant Other. The dynamic movement becomes the most important element in the novel, the character's actual travelling through the country acquires the features of a spiritual journey to truth. Despite the absence of Will's crucial inner transformation at the end of the novel, the author, in accordance with Marcel's philosophical concept, gives paramount importance to the journey itself, regarding it as the main event that gives meaning to human life.

Keywords: Walker Percy, philosophical novel, Kierkegaard, Gabriel Marcel, existentialism

В статье рассматривается философская проблематика романа Уокера Перси «Последний джентльмен», раскрывающаяся в авторском моделировании сюжетного развития и художественных образов персонажей с сознательной опорой на положения экзистенциалистской философии Кьеркегора и Марселя. Центральной темой произведения становится стремление человека обрести собственный путь в ситуации экзистенциального выбора, поиск веры как наиболее значимой основы существования. Главный персонаж, Уилл Барретт, помещается автором в пространство абсолютной свободы и выбора между различными концептуальными моделями жизни, олицетворяемыми образами близких ему людей: стоической этики отца, светского гуманизма Риты, бескомпромиссной религиозной веры Вэл, отчаянного нигилизма Саттера. Решающим событием оказывается обретение героем любви, придающее необходимое направление его жизни и закладывающее основу для последующего решающего движения от человека к Богу. В статье раскрывается символическая значимость пути героя в романе: из душного города в открытый мир юго-западных пустынь, от внутренней потерянности к вере, от одиночества к поиску Другого. Динамическое движение представляет собой наиболее важный элемент замысла романа, физический путь героя через страну обретает черты духовного пути к познанию смысла жизни. Несмотря на отсутствие значимого внутреннего преобразования Уилла в конце произведения, автор, в соответствии с философской концепцией Марселя, наделяет первостепенным значением само движение, видя в нем главный смысл человеческой жизни.

Ключевые слова: Уокер Перси, философский роман, Кьеркегор, Габриэль Марсель, экзистенциализм

Для цитирования: Никулина А. Преодолеть вечный полдень среды: поиск основ человеческого существования в романе Уокера Перси «Последний джентльмен» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 164–169. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-164-169

Уокер Перси (1916–1990) – один из наиболее ярких представителей жанра философского романа в литературе США. Он сам указывал на сознательное намерение «использовать художественную форму для передачи идей» [1, с. 9] (здесь и далее перевод англоязычных источников наш. – А. Н.). Критики изначально были склонны рассматривать произведения Перси в контексте южной литературной традиции, однако не местный колорит интересует Перси: «Я жил в ста милях от Уильяма Фолкнера, но он значил для меня меньше, чем Альбер Камю», – заявлял он [Там же, с. 146]. Писатель прежде всего размышляет над универсальными человеческими проблемами и ситуациями, и американский Юг оказывается лишь фоном для постановки значимых философских вопросов.

Философский роман как жанр является художественным произведением, сознательно сориентированным автором на проверку конкретных теоретических идей. С этой точки зрения, идейная составляющая в философском романе всегда оказывается первична по отношению к художественным элементам, выбираемым автором в соответствии с идейным замыслом. Несмотря на это, философский роман остается прежде всего именно художественным произведением: «Это не то, чтобы просто взять какую-то теорию и проиллюстрировать ее. Здесь нужно поместить человека внутри некой ситуации и посмотреть, что произойдет», – комментирует свой метод Перси [Там же, с. 61]. Автор настаивает на необходимости проверки абстрактных положений в реальных жизненных обстоятельствах.

В произведениях писателя философским фундаментом выступает экзистенциализм религиозного типа: в первую очередь работы С. Кьеркегора и Г. Марселя. Хотя Перси утверждал в интервью, что его романы базируются на «различных аспектах философии Кьеркегора» [Там же, с. 154], невозможно не заметить, что идеи католика Марселя оказываются ему ближе, чем индивидуалистический протестантский пафос сочинений Кьеркегора [2].

Философский характер творчества Перси неоднократно становился предметом анализа в работах американских литературоведов. Так, Р. Коулз подчеркивает стремление автора балансировать «на грани философии, теологии и литературы» [3, с. 191]. «Философом среди романистов» именует Перси исследователь его творчества А. Казин [4, с. 102]. Г. Блум утверждает, что

Перси «использует роман как духовное оружие, направленное против отчаяния своей эпохи» [5, с. 5]. Отечественные исследователи уделяют творчеству автора гораздо меньше внимания. О. Ю. Анцыферова [6] и О. Ю. Панова [7] обращаются к роману «Любитель кино», но рассматривают его скорее в психологическом, а не философском ключе. Остальные романы писателя в российском литературоведении практически не изучаются, что является явным пробелом в отечественной науке, так как творчество Перси, несомненно, представляет собой одно из наиболее своеобразных явлений американской литературы второй половины XX столетия.

Мы в данной статье сосредоточимся на втором романе писателя – «Последний джентльмен» («The Last Gentleman», 1966) и, опираясь на историко-культурный и сравнительно-сопоставительный методы, проанализируем представленную в нем художественно-философскую специфику авторского видения мира. Данное произведение всегда привлекало гораздо меньше внимания исследователей по сравнению с первым романом Перси «Любитель кино», хотя художественная доминанта творчества писателя проявляется в нем не менее ярко. В первом романе автор ясно обозначил свою позицию философского романиста, проведя центрального героя кьеркегоровским путем рыцаря веры через основные стадии становления: эстетическую, этическую и религиозную. Однако писатель продолжал размышлять о трудностях и преградах, которые неминуемо возникают перед современником, далеко не всегда проходящим свой путь веры так же быстро и успешно, как Бинкс Боллинг. В романе «Последний джентльмен» главный персонаж, с одной стороны, изначально находится на более продвинутой духовной ступени развития, чем Бинкс, охарактеризованной самим писателем как «религиозная» [1, с. 68], с другой – испытывает более глубокие трудности выбора дальнейшего пути, так и не достигая решающего «обращения» в рамках развития романного действия.

Центральным персонажем в романе выступает Уилл Баррет – молодой уроженец Луизианы, живущий в Нью-Йорке и совершенно не вписывающийся в типическую действительность крупного американского города. Неслучайно У. Аллен сравнивает Баррета с Джорджем Брашем, героем романа «К небу мой путь» Т. Уайлдера [8, с. 45]: внутренняя серьезность религиозного поиска при внешней комичности

социально нелепого поведения явно объединяет двух персонажей. Перси полагал, что Уилл – модификация художественного образа Бинкса из первого романа, но «главное отличие состоит в том, что он болен гораздо серьезнее» [1, с. 13]. Уилл обладает приятной внешностью и происходит из респектабельной южной семьи. Он один из тех, *«кто хорошо учится в школе, кого все время приводят в пример, на кого возлагают большие надежды, но кто в дальнейшем демонстрирует все меньше и меньше достижений, пока совсем не пропадает из виду»* [9, с. 5]. Бросив учебу в престижном университете, он становится *«наблюдателем, слушателем и странником»* [Там же, с. 6]. Уилл – человек на распутье, понимающий важность осуществления судьбоносного экзистенциального выбора, но не способный решить, в чем этот выбор должен заключаться. Автор намеренно наделяет его глухотой на одно ухо и приступами амнезии: его физические недостатки для Перси становятся метафизическими достоинствами, он глух к шуму толпы, но вслушивается лишь в значимые голоса; временами теряет мир и себя, забывая даже собственное имя, что дает ему возможность открыть действительность заново, утвердить себя в качестве свободы, совершающей собственный выбор вне сковывающих моделей общественных практик.

Уилл изначально помещается автором в пространство абсолютной свободы:

«<...> до настоящего момента он жил в ситуации чистой возможности, не зная, кем он является и что ему надлежит делать, и поэтому полагая, что он должен быть всеми и делать все» [Там же, с. 1].

Однако такая анархическая и бесцельная свобода, с точки зрения Перси, абсолютно бесперспективна. Разделяемое автором понимание свободы – кьеркегоровская «свобода знать о самом себе, что он есть свобода» [10, с. 201] и следовать собственным избранным путем. В начале романа Уилл прекращает свои многолетние визиты к психотерапевту и покупает телескоп: данную символическую деталь можно трактовать как намерение героя отныне всматриваться не в себя, а в окружающий мир, что находится в соответствии с заявлением Перси, сделанном им в одном из интервью: «Я полагаю, что значительная часть написанного мной можно назвать сатирой на так называемые поиски себя» [1, с. 49]. По убеждению писателя, которое он разделяет с Марселем, человеку надлежит искать не себя, а Бога; при этом Бога можно найти только через понимание значимости других людей, внимание к ним. Именно телескоп в романе по стечению

обстоятельств приводит к знакомству Уилла сначала с Китти, а через нее – со всей ее семьей, которая сыграет важную роль в дальнейшем становлении его личности. Вместе с братом Китти Джейми Уилл отправляется в путешествие по югу и юго-западу США, и это путешествие становится важным этапом его жизни: на первый план здесь выходит марселевская концепция жизни в пути, паломничества к истине, а также кьеркегоровские мотивы «ротации» и «повторения». Ротация у Кьеркегора, как и у Перси, подразумевает идею посещения новых мест, которое в ключевой момент оказывается способно вывести человека за эстетические рамки смены места и стать толчком к духовному прозрению, «заглядыванию за грань». Теми же качествами обладает у Кьеркегора и «повторение»: Уилл едет назад на юг, чтобы найти себя прошлого и тем самым расчистить дорогу будущему. После этого его путь будет проложен автором в западном направлении: выражение «отправиться на запад» (to go west) на английском языке означает «умереть»: там должен умереть старый Уилл и родиться новый. Таким образом, физический путь героя через страну обретает черты духовного движения к познанию смысла жизни.

Уилл долгое время не может найти свое место в мире. На севере США, как ему кажется, он мог неплохо существовать, потому что в вечной гонке за призрачными благами все чувствовали себя там некомфортно, и поэтому он как будто меньше ощущал неестественность своей позиции. Но на более расслабленном юге, куда он отправляется, все чувствуют себя прекрасно, и от этого ему становится совсем не по себе. *«Вечный полдень среды в штате Миссисипи»* [9, с. 280], как он формулирует это про себя, для него непреносим. Метафоры полудня и среды в различных вариантах несколько раз встречаются в романе как обозначение современной цивилизации, обретшей внешнее материальное благополучие, пребывающей в ленивом самодовольстве, но утратившей духовную составляющую, необходимую для ощущения себя человеком. Уилл ищет возможности преодоления этой внутренней статики. Его главный талант – умение чутко приглядывать и прислушиваться к миру, «талант к общению» [1, с. 82]. Он способен слышать других, хотя и не понимает их до конца. Именно на его попытках осознать и оценить чужие модели жизненного поведения, выбрать из них подходящую для себя строится внутренне движение сюжета романа. Таких моделей ему предлагается несколько: в романе они представлены в первую очередь фигурами его отца, Риты, Вэл и Саттера.

С детства в памяти Уилла живет образ отца-стоика, «гордого и одинокого человека» [9, с. 303], юриста, совершившего самоубийство практически в присутствии сына после нечестно выигранного судебного дела. Жизнь, четко выстраиваемая в соответствии с секуляризованными понятиями чести и этики, внешне выглядит красиво и благородно, но неминуемо приводит к внутреннему тупику, утрате надежды, которая не может существовать без поддержки веры, и к смерти как закономерному финалу. Перси в каждом из своих романов подвергает персонажей, следующих бескомпромиссному этическому кодексу, явному осуждению, потому что, как он полагает, никакой абстрактный принцип не может быть поставлен выше конкретного человека и его человеческих нужд.

Более жизнеутверждающая позиция воплощена в романе в образе Риты-«гуманиста» [1, с. 14], разведенной жены Саттера, продолжающей принимать активное участие в делах его семьи. Рита предстает перед читателем как твердая и уверенная в себе женщина, отвергающая религиозные убеждения. Ее путь – практическая помощь людям. Она предстает в романе воплощением жизни как естественной природной силы, деятельного человеколюбия, готового многое отдавать, но настойчиво требующего взамен обязательной ответной любви, преданности, самопожертвования. Она не лишена внутреннего эгоизма, неслучайно автор в интервью характеризует ее как «одновременно хорошую и плохую» [Там же]. Но ее несомненное достоинство, с точки зрения автора, состоит в том, что она не предается метафизическим размышлениям, а практически работает на благо других.

Воплощением религиозной позиции выступает в романе Вэл – сторонница абсурдной веры, совершившая кьеркегоровский «прыжок», но так и не обретшая ни себя, ни Бога. Т. ЛеКлэр считает, что именно Вэл, католичка и носительница веры в романе, является выразителем позиции Перси [4, с. 133]. На самом деле это не совсем так. Перси, несомненно, разделяет ее убежденность в значимости веры, но не признает идеи прыжка: человек должен понимать свои цели и идти к ним последовательно, «религия – это форма знания», уверен он [1, с. 204]. Вэл совершила свое движение веры одномоментно, от отчаяния, не будучи к нему подготовлена. Она упорна, настойчива и от совершенного выбора не откажется, но внутренне она как будто потеряна, в чем и признается Уиллу:

«Вот это-то я и не могу понять: я верю во все, что положено – Бога, евреев, Христа, Святую церковь,

благодать и прощение грехов – но чувствую внутри еще больше злобы, чем прежде... И что мне с этим делать?» [9, с. 237].

Она проповедует отчаянную веру, страстную, бесповоротную, существующую прежде разума и личных устремлений. На вершине своей веры она абсолютно одинока, как кьеркегоровский Авраам, рыцарь «бесконечного самоотречения» [10, с. 45], но, по мнению Перси, так быть не должно. К Богу человек должен идти от человека к человеку и ради поддержания человеческого, вера – не жест отчаяния. В этом отношении Перси в полемике с идеями Кьеркегора всегда склонялся к точке зрения Марселя, утверждавшего, что «Бог не хочет, чтобы мы любили его вопреки своим убеждениям» [11, с. 116], и призывавшего идти к вере через последовательное открытие знаков его присутствия в повседневном мире.

Другую точку зрения на проблему веры представляет в романе Саттер, в душе жаждущий встречи с Богом, но интеллектуально сопротивляющийся ей. «Религиозный человек, не имеющий веры», – охарактеризовал его Т. ЛеКлэр [4, с. 132]. Он все время испытывает всевышнего, намеренно бросает вызов Богу своими парадоксальными действиями, пытаясь таким образом заставить его заговорить с ним, подать ему знак. Именно поэтому, с точки зрения Перси, Саттер не безнадёжен, он вполне может стать носителем веры в будущем, так как не безразличен к духовному миру и его голосам, в отличие, например, от Мерсо Камю, с которым Перси сравнивал его в интервью [1, с. 42]. Саттер одержим идеей самоубийства: он уже один раз пытался его совершить и снова заявляет о своем намерении в финале. С одной стороны, это результат отчаяния – «болезни к смерти» по Кьеркегору, марселевской «неспособности к служению» [11, с. 106]. С другой, символ надежды: «кажется, Камю сказал, – замечал Перси, – что вся философия рождается из возможности самоубийства. И в этом отношении Саттер становится воплощением философии Камю» [1, с. 43].

На протяжении всего романа Уилл находится в поиске «отца» [Там же, с. 14]. Настоящий отец предал его, совершив самоубийство, и в течение многих лет он пытается обрести истинно авторитетного наставника, способного раскрыть для него тайны жизни. На некоторое время им становится Саттер, личность которого поражает и притягивает Уилла. Откровением для Уилла становится записная книжка Саттера: обрывочный и эмоциональный текст предстает своеобразным манифестом, «достойным Марселя и Хайдеггера», по словам Р. Коулза [3, с. 182]. Перси при-

знает, что введение в текст романа объемных отрывков из записной книжки выглядит несколько искусственно, но считает, что с художественной точки зрения подобный прием сработает лучше, чем долгие философские диалоги персонажей «в духе Достоевского» [1, с. 14]. В своих записях Саттер стремится доказать абсурдность религии и церкви в современном мире. Для него самого никакая форма компромисса с миром неприемлема. Он намеренно выбирает для себя юго-запад – край пустынь как источник абсолютной свободы:

«Я покинул старый распадающийся юг ради чистой трансценденции юго-запада. Но трансценденция подвела меня» [9, с. 275].

«Место чистой возможности» [Там же, с. 286] оказалось наполнено только пустой тишиной. Выбор человека – всегда его собственный внутренний выбор, и никакие внешние обстоятельства не способны оправдать его. Финальный выбор Саттера – мир без Бога, ведущий только к одному выходу – самоубийству, но оставляющий отчаянную надежду на духовное обновление:

«Христос должен нас покинуть. Он слишком задержался у нас, и его друзья мне совершенно не нравятся. У нас нет никакой надежды вновь обрести Христа, пока Христос не покинет нас» [Там же, с. 293].

Это утверждение, действительно, напоминает размышления Хайдеггера о бытийно значимой «тишине Начала», которая может быть обретена только после того, как «мир должен быть принужден к крушению, земля – к опустошению» [12, с. 178].

Уилл внимательно выслушивает всех в романе, но абсолютистские крайности представленных позиций вызывают у него внутреннее неприятие. Его не привлекает ни бескомпромиссная сверхчеловеческая этика отца, ни требовательное человеколюбие Риты, ни отчаянная вера Вэл, ни такая же отчаянная борьба с верой Саттера. В конце романа он, как ему кажется, находит свой путь, который мог бы дать ему жизненно важную опору и надежду:

«С телескопами покончено, – подумал он, – и с далекими галактиками тоже. Какое мне дело до Андромеды? Все, что мне нужно, – это моя милая невеста-южанка, уютный трейлер, спичка и разожженная плитка, приветливая полоска света, падающая из открытой двери на знакомую землю, и чашка сладкого мятного чая, из которой мы отпиваем по очереди, гоня прочь холод пустыни» [9, с. 281].

Согласно Кьеркегору, рыцарь веры после обращения всегда возвращается в обыденный мир и внешне оказывается неотличим от других людей, но в данном случае проблема заключается в том, что обращения еще не произошло, и обыденность Уилла, к которой он внутренне тянется, совсем не похожа на озаренную новым светом веры, как в финале первого романа Перси «Любитель кино». Неслучайно Перси характеризовал финал как «неопределенный» [1, с. 205]. С одной стороны, в нем присутствует декларируемое на словах намерение Уилла сойти с пути поиска, но, с другой, есть и дорога, открытая перед ним, по которой он бежит за машиной уезжающего Саттера, все еще желая задать ему очень важный вопрос и не оставляя надежды продвинуться дальше, – вечный марселевский странник, homo viator, обреченный всегда быть в пути.

Таким образом, философский роман Перси строится на поиске персонажем внутренних принципов, определяющих основы существования и придающих смысл человеческой жизни, на изучении и сопоставлении различных сущностно значимых моделей, равнозначных с точки зрения экзистенциального выбора, но совершенно несходных по практическому эффекту, который они оказывают на человеческую судьбу. Герой настойчиво ищет свой путь, и, хотя окончательно так и не находит, Перси наделяет ценностью само стремление к духовному поиску, которое, в соответствии с католической философской концепцией Марселя, представляет собой наиболее важный фактор человеческой жизни.

Список источников

1. Conversations with Walker Percy / ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. Jackson: University Press of Mississippi, 1985. 325 p.
2. Никулина А. К. Экзистенциалистский путь веры как способ достижения жизненного успеха в романе У. Перси «Второе пришествие» // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 (9). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2023. С. 142–147.
3. Coles R. Walker Percy: an American search. Boston: Little, Brown, 1978. 250 p.
4. Critical essays on Walker Percy / ed. by J. D. Crowley and S. M. Crowley. Boston: G.K. Hall & Co., 1989. 294 p.
5. Walker Percy / ed. by H. Bloom. New York: Chelsea House, 1986. 167 p.
6. Анцыферова О. Ю. Южный миф vs киномиф в романе Уокера Перси «Любитель кинематографа» // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 1. С. 42–48.

7. Панова О. Ю. Американский «подпольный дух»: повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и литература США второй половины XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 412–419.

8. Allen W. R. Walker Percy, a southern wayfarer. Jackson: University Press of Mississippi, 1986. 160 p.

9. Percy W. The last gentleman. New York: Ivy Books, 1993. 323 p.

10. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.

11. Марсель Г. Быть и иметь / пер. с фр. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 159 с.

12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

References

1. *Conversations with Walker Percy* (1985). Ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. 325 p. Jackson, University Press of Mississippi. (In English)

2. Nikulina A. K. (2023). *Ekzistentsialistskiy put' very kak sposob dostizheniya zhiznennogo uspeha v romane W. Percy "Vtoroe prishestvie"* [The Existentialist Path of Faith as a Way to Achieve Life Success in W. Percy's Novel "The Second Coming"]. *American Studies in the Far East: Annual Bulletin*. No. 2 (9), pp. 142–147. Blagoveshchensk, izd-vo BSPU. (In Russian)

3. Coles, R (1978). *Walker Percy: An American Search*. 250 p. Boston, Little, Brown. (In English)

4. *Critical Essays on Walker Percy* (1989). Ed. by J. D. Crowley and S. M. Crowley. 294 p. Boston, G. K. Hall & Co. (In English)

5. *Walker Percy* (1986). Ed. by H. Bloom. 167 p. New York, Chelsea House. (In English)

6. Antsyferova, O. Yu. (2004). *Yuzhniy mif vs kinomif v romane Walkera Percy "Lubitel kinematografa"* [Southern Myth vs Cinematic Myth in "The Moviegoer" by Walker Percy]. *Ivanovo State University Bulletin*. No. 1, pp. 42–48. (In Russian)

7. Panova, O. Yu. (2021). *Amerikanskii "podpolnyi dukh": povest' F. M. Dostoevskogo "Zapiski iz podpol'ya" i literature SShA vtoroy poloviny 20 veka* [American Underground Spirit: Dostoevsky's Notes From Underground and the 20th Century USA Literature]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. Vol. 21, iss. 4, pp. 412–419. (In Russian)

8. Allen, W. R. (1986). *Walker Percy, a Southern Wayfarer*. 160 p. Jackson, University Press of Mississippi. (In English)

9. Percy, W. *The Last Gentleman* (1993). 323 p. New York, Ivy Books. (In English)

10. Kierkegaard, S. (1993). *Strah i trepet* [Fear and Trembling]. 383 p. Moscow, Republic. (In Russian)

11. Marcel, G. (1994). *Byt' i imet'* [Being and Having]. 159 p. Novocherkassk, Saguna. (In Russian)

12. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. 447 p. Moscow, Republic. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Никулина Алла Константиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450077, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
alla_nikoulina@mail.ru

Nikulina Alla Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University,

3a Oktyabrskoy Revolyutsii Str.,
Ufa, 450077, Russian Federation.
alla_nikoulina@mail.ru